

ПО ТУ СТОРОНУ КОНЦА ИСТОРИИ

Наблюдая как исписывают литры чернил по поводу моего эссе „Конец истории?“, я пришел к выводу, что мое подлинное достижение было в том, что мне удалось вызвать уникальное общее единодушие не относительно нынешнего статуса либерализма, а относительно того, что я не прав в своем утверждении об истории, которая кончилась. Это единодушие особенно замечательно тем, что оно распространяется от Маргарет Тэтчер и Уильяма Бакли справа до „Нейши“ и Михаила Горбачева слева. Назовите мне другого американского политика, которому бы удалось этого достичь?

Первым и наиболее общим недоразумением было упорное непонимание или неприятие гегелевского понимания термина „история“. Многих огорчило, что из употребления было изъято обычное определение истории как набора случайных событий, в котором отсутствует внутренняя иерархия или попытка провести различие между менее и более важными событиями.

Утверждение, что история конечна, удивляет только тех, кто не знаком с гегельянско-марксистской традицией. „Историю“ по Гегелю можно трактовать в более узком смысле как „историю идеологии“ или историю мышления о первичных принципах, включая принципы управления политическими и социальными организациями. В этом случае „конец истории“ означает не окончание потока событий в мире, но завершение эволюции человеческих представлений об этих первичных принципах.

Читатели моей статьи не первые, кого потрясло понятие

„конец истории“. В начале XIX в. сам Гегель вызвал заявлением о конце истории гневный протест, особенно резкий со стороны молодого Карла Макрса, который считал, что явная несправедливость современного ему общества изобличает ложность самоуверенного утверждения Гегеля „все, что реально, — рационально“. Собственно говоря, Маркс в течение всей своей научной карьеры пытался доказать, что Гегель был не прав, но не относительно конца истории, а в отношении его заявления, что история уже кончилась.

Мы все еще живем во времена, когда продолжают марксовы попытки опровергнуть Гегеля. Мы видим их в разваливающихся коммунистических режимах Восточной Германии, Чехословакии и Болгарии, в огромных полчищах бюрократов, которые еще вершат произвол над жизнями миллионов людей в Советском Союзе и Китае, в камбоджийских партизанах, ждущих в джунглях возврата власти. Полный и явный провал коммунизма наталкивает нас на вопрос, не был ли весь марксистский эксперимент 150-летним отклонением, и не следует ли нам поразмыслить на тему, не был ли Гегель действительно прав, увидев конец истории в либерально-демократических государствах, созданных французской и американской революциями.

Чтобы опровергнуть мою гипотезу, недостаточно предположить, что у будущего в запасе имеется немало крупных и важных событий. Нужно еще доказать, что эти события — результат проведения в жизнь систематизированной идеи политической и социальной справедливости, которая претендует на превосходство над либерализмом. Ядерная война между Индией и Пакистаном, какой бы ужасной она ни была для этих стран, не подходит под эту мерку, по крайней мере если кто-нибудь не заставит нас пересмотреть основные принципы, на которых покоится наш социальный порядок.

Следующий уровень недопонимания моей статьи связан с тем, что кое-кто умудрился усмотреть взаимосвязь между ее публикацией и нынешней политикой администрации Буша. Вероятно, этих людей не удовлетворит мое замечание, что статья была задумана и написана задолго до того, как у меня возникла какая-либо перспектива на работу в государственном департа-

менте, что я там относительно мелкая сошка и весьма мало могу воздействовать на выработку политической линии.

Меня постоянно изумляет узость мышления Вашингтонских политических кругов, особенно политиков от средств массовой информации, которые не могут понять, что существуют более важные и более интересные темы, нежели внешнеполитическая программа данной администрации, пусть даже выглядящая в настоящий момент достаточно логичной и последовательной. Более фундаментальная проблема, которую я пытался донести до моих читателей, истинность и адекватность либерализма как такового. Этот тезис, я в этом абсолютно уверен, переживает как администрацию Буша, так и последующие администрации.

Таково же недопонимание моей точки зрения на соотношение между событиями в царстве идей и событиями в реальном мире. Меня обвинили в самодовольной уверенности в том, что последние завоевания либеральной демократии являются вечными; в том, что я поставляю аргументы для оправдания якобы робкой и бездеятельной администрации Буша, а во Франции говорили, что я являюсь глашатаем наступления американского изоляционизма, который будет мотивирован тем, что „холодная война“ выиграна и американцы могут вернуться из Европы домой.

Признаю, здесь я мог бы выразиться яснее. Когда я писал, что „идеал либерализма в конечном счете станет править и материальным миром“, я не имел в виду, что процесс этот будет легким и наступит автоматически или что он будет происходить и без активного вмешательства правительства и индивидуумов. Очевидно, демократическая революция в мире далека от завершения и она, в гегельянском смысле, потребует огромной работы и борьбы для более полного осуществления. Масштабы проблем, с которыми сталкиваются реформистские правительства советского блока, устрашают, и успех далеко не гарантирован.

Но следует признать, что в мире происходит великая революция, и что в этой революции идеи идут в счет. Не может не иметь каких-либо последствий тот факт, что нынешний генеральный секретарь Коммунистической партии Советского

Союза требует от неэффективных уступить дорогу способным и знающим и признает, что его партия не обладает монополией на правду. События века травмировали нас и выработали в высшей степени циничное отношение ко всякого рода разговорам о прогрессе. Нам следует быть осторожными, чтобы не перегнуть палку, не переступить пределы благоразумия и видеть реальность такой, какой она есть.

Читатели, которые правильно поняли мои доводы, определили несколько источников идеологического соперничества с современным либерализмом: коммунизм как таковой, исламский фундаментализм, национализм и некоторые новые идеологии, о которых мы еще ничего не знаем. Давайте рассмотрим их по порядку.

Чаще всего мои статьи критиковали за то, что я слишком рано стал списывать со счета коммунизм как силу в реальном мире и как идею. В подтверждение своих доводов некоторые авторы указывали на незавершенность и уязвимость процесса реформ в Советском Союзе, Китае и странах Восточной Европы, на по-прежнему ревностных и яростных ортодоксальных коммунистов, которые наиболее явно проявили себя во время разгрома на Тяньяньменьской площади, что произошло уже после окончания моей статьи.

Я первым готов признать, что процесс реформ в коммунистическом мире незавершен и уязвим. Трагические репрессии, обрушившиеся на Пекин в июне 1989 г., отодвинули либерализацию этой страны на многие годы, и было бы глупо утверждать, что подобного рода движение в обратную сторону не может произойти в пюбой из стран, в которых сегодня проводятся реформы, в том числе в Советском Союзе и в остальных странах Восточной Европы.

Тем не менее я задаюсь вопросом: может ли подобного рода движение назад полностью восстановить Советский Союз, каким мы его знали и какого боялись. Ведь традиционная советская угроза происходила не только от военной мощи и материальных ресурсов СССР, но и от претензий на воплощение универсальной идеи, враждебной нашему образу жизни. Наименее вероятно возрождение именно этого мессианистического ощущения собственного предназначения. Новое консервативное

руководство Советского Союза сможет использовать традиционные репрессивные органы — армию и полицию — для восстановления порядка, но ему будет очень тяжело возродить старую марксистско-ленинскую панацею для укрепления авторитета партии или налаживания вечно барахлящей экономики.

Исламский фундаментализм является не только соперником либерализма в мусульманском мире, он одержал полную победу над либерализмом во многих странах. И все же, несмотря на претензии ислама на роль универсальной религии, фундаментализм практически не нашел отклика за пределами мусульманского мира.

Полный провал ислама в попытке найти сторонников, скажем, среди американской или японской молодежи наводит на размышления. Наиболее правдоподобным объяснением силы фундаментализма является истолкование его как реакции на мощный позыв либерализма, с которым мусульманский мир столкнулся впервые. Хотя ислам охватывает почти миллиард верующих, нынешнее столкновение между мусульманским и либеральным мирами не выглядит как поединок равных.

Некоторые склонны рассматривать как гораздо более серьезную угрозу национализм, поскольку национальные чувства постоянно на виду в постисторическом мире. По мере того как коммунизм отступает в Восточной Европе, перед нами предстает захватывающее зрелище возрождения давнишних национальных конфликтов — таких, например, как конфликт между Венгрией и Румынией из-за венгерского меньшинства в Трансильвании. Германию ожидает большое испытание стойкости ее либерализма; национализм еще вернется в эту страну, поэтому многие европейцы взирают без энтузиазма на перспективу воссоединения Германии.

Все это дает основания полагать, что постисторическая эпоха не будет свободна от серьезных конфликтов, но все-таки следует рассматривать эти конфликты как относительные. Конфликты между Венгрией и Румынией, или между Болгарией и Турцией, или между Арменией и Азербайджаном, какими бы трагическими они ни были, никогда не достигнут масштаба большой межконтинентальной ядерной войны, которой мы опасались и которую мы старались предотвратить все эти 40 лет.

Алан Блум предположил, что опасные силы национализма могут вспыхнуть даже в сердце Европы в результате стремительного роста нынешних правых антииммигрантских партий во Франции и Германии. Другие считают, что схожий авторитарный потенциал имеется у движения зеленых. Все это возможно, хотя я не вижу, каким образом какая-либо из этих экстремистских партий сможет свергнуть политическую систему в своей стране в ближайшем будущем.

Страной с наибольшим потенциалом фашизма является Советский Союз. Славянофильствующие авторы, пишущие для таких советских журналов как „*Наш Современник*” или „*Молодая Гвардия*”, выражают свои мысли на языке, который Европа не слышала уже многие годы, и при этом они пренебрежительным образом близки к мышлению национального большинства в СССР. Если послетитовская Югославия в некотором смысле является моделью советского будущего, то следует опасаться, нет ли там на подхвате русского Милошевича — партийного аппаратчика, который в один прекрасный день обернется фашистским демагогом, пробуждающим в доминирующей национальности веру в свои „права” по отношению ко всем остальным. Такая возможность реальна, и не следует упускать ее из виду.

Наконец, последним соперником либерализма является так называемый „Х-фактор” — это, согласно Чарльзу Краутхаммеру — злая сторона человеческой натуры, которая может проявиться в непредсказуемых формах. Подобное, конечно же, возможно. Гегель ведь не смог предсказать в 1806 г. ни появления фашизма, ни появления коммунизма.

Все согласны, что демократическо-эгалитарные тенденции могут натолкнуться на сопротивление и в некоторых странах на существенный период времени быть отброшены назад. Главный гегелевский вопрос: может ли долгий путь к современному демократическо-эгалитарному сознанию, который начался по крайней мере с возникновения христианства в Европе, сам по себе рассматриваться как мгновение или случайность в истории, вполне обратимая, или же силы, лежащие в основе нашей натуры, претерпели изменение в этом отношении.

Возможно, что через пару сотен лет рабство будет широко узаконено, или же что миру придется пройти через цикл монар-

хических и аристократических режимов, моральные основы которых будут выглядеть столь же прочно, как основы сегодняшних демократий? Возможно ли, что глобальный катаклизм, ядерный или экологический, сметет все начисто, и исторический процесс начнется заново? Или же мы вернемся к тому, на чем остановились, и отстроим наш мир в том виде, в котором он существовал до катастрофы, продолжая наши нынешние споры о правах женщин и меньшинств и настаивая на нерушимости Первой поправки к американской Конституции?* Я ставлю эти вопросы без надежды услышать на них ответ.

* Первая поправка к Конституции США гласит:

„Конгресс не должен издавать законов о введении какой-либо религии или о запрещении свободно исповедывать какую-либо религию, или о стеснении свободы слова и печати, или об ограничении прав народа мирно собираться и обращаться к правительству с просьбами о прекращении злоупотреблений”. См. Конституция Соединенных Штатов, „Проблемы Восточной Европы” № 17—18, стр. 261—287.